

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 35, Is. 1, pp. 36–46, 2018
 DOI 10.22162/2075-7794-2018-35-1-36-46
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC 94 (470+571) (235.7)

‘Bowed and Petitioned to the Akhreian Ataman ...’: Captivity, Slavery and Ransom on the Southern Frontier (Late 17th – Early 18th Centuries)

*Dmitriy V. Sen*¹

¹ Ph. D. in History (Doct. of Historical Sc.), Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: dvsen@sfned.ru

Abstract. The article considers some topical issues from the history of captivity and slave-trade on the southern frontiers in the late 17th – early 18th centuries. The mentioned territory comprised border areas of Russia, the Crimean Khanate and Ottoman Empire in the Northeast Azov Region and Kuban. The paper also deals with some aspects of international relations and the history of border communities. Efforts undertaken by both Russia and the Ottoman Empire aimed to reshape the borders in the region resulted in changes not only in Russian-Crimean relations but also in Russian-Turkish ones. The period witnessed changes in the conditions for nomadic raids by the population of the Crimean Khanate involved in hostage-taking activities primarily in Russia’s territories on a regular basis. The boundary lines of Southern Russia were essentially reshaped. The Crimean Khanate, Ottoman Empire and Russia would strengthen control over migrations of border communities and scrutinize into emerging border disputes. The trends intensified after the 1700 Treaty of Constantinople signed between the Tsardom of Russia and the Ottoman Empire which significantly reduced a ‘window of opportunities’ for Crimean nomads (including diverse Nogai groups) to further organize such raids. Still, the new historical conditions had a certain impact on different border communities (Kalmyks, Don Cossacks) that had been traditionally involved in activities related with hostage-taking, such as hostage exchange and ransom. The disruption of the long-established border lifestyles in the steppe areas put no end to such raids, slavery or slave-trade, but definitely altered the directions, geography and a list of participants. Thus, Azov became one of the centers for so called ransom operations after 1696. With evidence from documentary sources, the article investigates lives of a number of Russian individuals captured by Nogais of Akhreian Cossacks from Kuban, analyzes lists of participants of some ransom operations and reveals that the latter were attended by representatives of different social and ethnic groups from both sides of the border. The study emphasizes the forms and means hostages turned to in search of liberation. Strategies of such hostages varied in Kuban, and either did attitudes (towards them) of Nogais and other individuals engaged in their transportation from Kuban to Azov. Ottoman Turks, Nogais, Armenians, Kuban Cossack Old Believers (Akhreians) were those who dealt with such ransom activities. The paper also pays special attention to terms of slave ransom bargains that were largely based on traditions of the preceding era.

Keywords: captivity, slave-trade, frontier, raid-based system, Russia, Crimean Khanate, Ottoman Empire

История плена и работорговли в южном пограничье (включая Северное Причерноморье и Северо-Восточное Приазовье) — актуальная исследовательская проблема, органично сочетающаяся с изучением социальной структуры и набеговой системы Крымского ханства, эволюции русско-крымско-османского пограничья и местных пограничных сообществ. Столь масштабная тема представлена в трудах ученых с разной степенью результативности — учитывая длительную хронологию и обширную географию бытования работорговли и ее неоднозначное влияние на судьбы народов и государств [Возгрин 2011; Грибовский 2014; Жуков 2012; Козлов 2016; Лавров 2010; Степове порубижья 2016; Воеск 2009].

Среди актуальных вопросов истории плена и рабства на южном пограничье — состав организаторов и участников «окупных»/«розменных» операций, в числе которых были представители разных этнических и социальных групп по обе стороны границы (пограничья); этнический, конфессиональный и социальный состав полоняников; местные особенности совершения «окупных» и т. п. операций, география которых изменялась и не ограничивалась Валуйками (Разменным городком под Валуйками) или Окупным Яром на Дону; плен и рабство как пространство культурного трансфера (включая социальные практики полоняников: их женитьба или замужество; переход в мусульманство; попадание невольников в новые этнические, географические и т. п. ландшафты и перемещение в них; освоение чужих языков; бегство из плена; идентичности полоняников, неслучайно проявляющиеся именно в плену и отраженные в расспросных речах; фиксация/проверка/трансляция пограничными властями информации, сообщаемой бывшими полоняниками).

Заявленная тема характеризует не только межгосударственные русско-крымские отношения и конфронтацию государств. Она относится к истории взаимодействия многочисленных сообществ в крымско-российско-османском пограничье (Северо-Восточное Приазовье и Северо-Западный Кавказ), существенно трансформировавшемся на рубеже XVII–XVIII вв. Среди них — донские казаки, черкесы и ногайцы, турки-османы из Азова (Азака), торговые армяне и татары — подданные Гиреев и Османов, общение которых на протяжении длитель-

ного времени определялось не только конфликтами. *Внеконфронтационные* отношения составляли неотъемлемую часть жизни указанных и других сообществ в условиях пограничья. Ведь фронтиры еще больше, чем границы, по аналогии с высказыванием А. Рибера, «склонны быть... пористыми, нежели непроницаемыми» [Рибер 2004: 199]. Местное пограничье соотнесено нами с переходными зонами (фронтирами), в которых естественным путем происходит «взаимодействие между двумя или более различными культурами или политическими структурами» [Рибер 2004: 199]. Интенсивность и открытость подобного взаимодействия в указанной контактной зоне способствовали созданию специфической культуры пограничных отношений, создатели и трансляторы которой — различные военизированные и иные сообщества. Мы полагаем возможным говорить о *культуре их пограничного диалога в условиях вынужденного соседства*. Среди ее составляющих — торговые отношения, обмен различной информацией, бегство подданных одного государства на территорию другого, богатый исторический опыт разрешения взаимных пограничных конфликтов и т. п.

С некоторыми оговорками (поскольку принудительный характер обращения в рабство очевиден) к составляющим подобного сотрудничества может быть отнесена торговля «ясырем», включая «окуп» (выкуп), хорошо знакомая и донским казакам, и туркам-османам, и ногайцам, и другим народам Северного Кавказа. Дело в том, что «окупные» операции были рассчитаны на получение торговцами «живым товаром» материальной выгоды. Следовательно, причинение физических увечий полонянику или конфликт во время выкупа могли в разы сократить предполагаемый успех «дела». Для нас важнее другое — будущая сделка способствовала формированию обширного круга участников, включая посредников. Она зависела от выполнения ряда условий (владение необходимым языком вербальной коммуникации, выявление информации о конкретных людях, обращенных в рабство; знание цен на «ясырь», путей его доставки и пр.). С указанной точки зрения заявленная тема представляется малоизученной и перспективной. «Одной из важнейших статей доходов донских казаков в XVII в. была торговля „ясырем“ — пленниками-мусульманами, захватывавшимися казаками во

время походов с Дона на соседние земли» [Куц 2001: 50]. Иногда казаки привозили их сотнями из походов, а для их покупки так называемые «торговые люди» приезжали на Дон из русских городов. Обратим внимание на приоритетный захват казаками женщин, молодежи и, напротив, на умерщвление ими взрослых мужчин-ногайцев и татар [Новосельский 1948: 238–239].

Таким образом, работорговля относилась к числу традиционных занятий донских казаков. Тем же, по отношению к донским казакам и к другим подданным московских царей, активно занимались ногайцы, активно включенные в набеговую систему Крымского ханства. При этом часть полоняников оставалась в домашнем рабстве у ногайцев, на что указывают слова, что, мол, (имярек) полоняник «работал черную работу» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 7, 9]. Вместе с тем, обе стороны активно практиковали отдачу полоняников на так называемый «окуп» (выкуп), который мог осуществляться в разных формах, знакомых не только владельцам, но и самим полоняникам. К социальным практикам, имеющим непосредственное отношение к теме военного плена и рабства, конечно, относился и «розмен» полоняниками, активно практиковавшийся властями России и Крымского ханства.

На рубеже XVII–XVIII вв. по этой традиционной для степного уклада системе был нанесен основательный удар. Это случилось вследствие новой пограничной ситуации, затронувшей интересы России, Крымского ханства и Османской империи [Грибовский 2014; Сень 2014]. Россия и Османская империя тогда попытались договориться о взаимном возвращении полена, что болезненно было воспринято в Крымском ханстве. Донские казаки, как крымцы и ногайцы, стали терять существенную статью доходов. Кроме того, самостоятельность Войска Донского, особенно после 1696 г., все больше ограничивалась российской администрацией Азова [Сень 2013]. Азов становится местом совершения размена полоняниками и пр. В 1696 г. крымский татарин ехал для «розмены» русского полоняника на свою сестру в Черкасск, но затем оказался в Азове [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 27. Л. 12–16]. Примечательно, что этот татарин присоединился к группе кубанцев, ехавших в Черкасск и взявших с собой для размена «трех человек казаков, да дву человек, стрелца да солдата» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 27. Л. 15об.].

Шло активное наступление российских властей и на другие привилегии Войска Донского. В июне 1699 г. на Дон была прислана царская грамота, по которой казакам запрещалось без указов государя или грамот из Посольского приказа «напрямую вести дела о размене пленными или имуществом с ногайцами и кубанцами. Теперь атаман и все Войско были обязаны „бить челом“ царю, ставя его в известность о своих намерениях в этом вопросе, и ждать на то его указаний» [Андрющенко 2008: 182–183]. Но еще 23 октября 1699 г. Кубек-ага прислал с Кубани в Черкасск «по прежним их обыкностям... (выделено мною. — Д. С.) людей своих, Кичи Махметя с товарищи для прежних их полоняничных розменов и окупов, которые меж ними за руками отпускаваны полоняники, что о том между собою и росправа учинит» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 168. Л. 31].

Неслучайно кубанский султан Каплан-Гирей осенью 1700 г. писал именно азовскому воеводе С. Б. Ловчикову, чтобы тот отписал в Черкасск атаману Войска Донского: «...пушай пришлют нам человека... которые люди к вам попали или от вас к нам ест ли, которые живы или померли, про тех людей по душам разыщем и отдадим... вы ныне в граничном городе с нами. Вам надобно, и нам чинить, чтоб меж нами накакова худа не было» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 6]. Недаром в 1701 г. среди кубанских полоняников распространилась информация о том, что «в Азове чинят русским людям на татар розмену» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 360. Л. 1]. Размен пленными мог осуществляться и в кубанских владениях Гиреев, но при этом — с разрешения азовских властей. В ноябре 1700 г. Войско Донское отправило казаков С. Кочета и П. Калининкова «для розмены неволников, которые взяты за миром (т. е. в мирное время. — Д. С.) у них кубанцов, и у них казаков на взморье» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 253. Л. 1].

Полагаем, что особенно недовольна случившимся оказалась войсковая верхушка, традиционно контролировавшая пограничные связи донцов с ногайцами, надо думать, в сфере торговых связей и, конечно, работорговли. Повторимся, путь торговых людей с Кубани и из османских владений теперь все чаще замыкался на Азове. В сентябре 1699 г. из османской Керчи в Азов прибыла группа торговых людей в составе 55 «турчан» и армян, напрасно просивших

пропустить их «водяным и сухим путем» в Черкасск для торговли [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 168. Л. 4]. В мае 1701 г. в Азов приехали «для торгового промыслу» около 20 торговых татар на семи арбах, захвативших с собой на выкуп русскую полонянку [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 373. Л. 11]. Торговых людей с Кубани насчитывалось в другом случае 55 чел., при которых находились два русских полоняника [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 360. Л. 5].

В Азове на тюремном дворе содержалось немалое количество полоняников из числа подданных Гиреев и Османов, причем в крепости могли находиться люди, персонально интересовавшие крымцев. В 1701 г. они привезли в Москву двух русских полоняников, предполагая обменять их на двух своих земляков. В итоге их ожидал успех — столь нужные крымцам полоняники были найдены в Азове и отпущены на свободу [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 376. Л. 15–16.]. В разменных операциях с христианами были задействованы торговые армяне из Крыма, в том числе сами державшие людей в домашнем рабстве. Одного такого человека, принадлежавшего армянину Карабину (?) из Кафы, торговцы привезли в Азов летом 1701 г., предполагая разменять его на «турченина» Делибекеря [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 360. Л. 12–15].

Заметной фигурой в жизни местного пограничья являлся другой армянин — Минас Семенов (Симонов), активно курсировавший между Кубанью и Азовом. В сентябре 1699 г. он привез с Кубани в Азов воеводе С. И. Салтыкову не только четырех донских казаков, плененных ногайцами, но также два письма от находившегося на Кубани калги-султана Шахбаз-Гирея [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 168. Л. 4об.]. Его видели под Азовом вместе с работником-армянином и с двумя ногайцами, приезжавшим «для торгу с товары в Азов и ездили они для продажи и покупки товаров в Черкасской». Предприимчивый М. Семенов интересовался не только «красным товаром», но и возможностью заработать на выкупных операциях. У него побывали разные люди, ранее попавшие в плен к ногайцам, в том числе Антоний Котий, имперский (цесарский) подданный, минер на российской службе. История с его выкупом длилась долго и успешно закончилась для главного героя. М. Семенов, владевший греческим языком, сумел так воспользоваться ситуа-

цией вокруг А. Котия, что сманил из Азова на Кубань двух греков-матросов [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 15–15об.], которых видели потом у кубанских казаков-ахреян. Фигуры посредников в окупных операциях — отдельная исследовательская тема, заслуживающая внимания специалистов. Им принадлежала особая роль в сближении позиций всех сторон по вопросам выкупа, в преодолении языковых барьеров, в осуществлении пограничной дипломатии, расширявшей этническое и т. п. пространство взаимного «узнавания».

На рубеже XVII–XVIII вв. сохранялись определенные условия для сохранения рабства и работорговли в Северном Причерноморье, несмотря на новые договоренности между Россией и Османской империей. В частности, речь идет о ст. IX Константинопольского мирного договора 1700 г. [ПСЗРИ-I, т. IV 1830: 70–71]. С одной стороны, размену и выкупу подлежали полоняники, захваченные до заключения мира. С другой стороны, царские подданные, попавшие в плен «за миром», должны были быть отпущены безвозмездно. Обеспечивался, кроме того, беспрепятственный проезд по разным территориям российских представителей с «проезжими грамотами» для освобождения полоняников, кроме принявших ислам. Но еще по Карловицкому перемирию 1699 г. «Порта... впервые без учета интересов Крыма гарантировала прекращение враждебных действий со стороны крымских татар. Последствием... стало осложнение крымско-османских... отношений и частичная переориентация набеговой системы ханства от походов против России, Украины и Речи Посполитой к вторжениям в периферийные области своих же владений в Приазовье и на Кавказе [Приймак 2011: 56].

Управлять отдаленным Прикубаньем можно было не иначе, как используя традиционный способ поддержания авторитета верховной власти в кочевнических сообществах — проводить регулярные и успешные набеги. Такое испытанное средство в очередной раз использовал хан Хаджи Селим-Гирей, который во время своего последнего пребывания на престоле (1703–1704 гг.) организовал набег на Царицын, Пензу, Симбирск, Саратов. Причем калмыки, обещавшие российским властям охранять степное порубежье, не оказали кубанцам активного противодействия [Тепкеев 2005: 28]. Не-

смотря на запреты и угрозы Бахчисарая, кубанские кочевники продолжали осуществлять набеги на русские окраины, включая Дон¹. Попытки крымских чиновников найти виновных в осуществлении кубанцами набегов на российские владения зачастую имитировались.

Впрочем, именно с 1700 г. активизировалась совместная работа сторон по размену, например, пленных татар и казаков [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 210]. Вместе с тем, деятельность пограничной комиссии, проводившейся в Азове и Ачуге еще в 1706 г., оказалась безрезультатной из-за нежелания крымских властей обострять отношения с кубанскими элитами. Заключенное во время комиссии соглашение не действовало. Летом 1706 г. кубанцы вновь напали на российский Азов, разграбили близлежащие донские городки и опустошили калмыцкие улусы. Русское правительство отреагировало на это требованием немедленного исполнения турками-османами взятых на себя обязательств и возмещения убытков. Требование возымело действие: в сентябре 1707 г. в Азов прибыли османские и крымские представители, доставившие туда 129 полоняников и 62 лошади. Стамбул, в свою очередь, имел основания требовать от России возмещения ущерба своим подданным, причиненного донскими казаками и калмыками, отбившими у крымцев больше 12 тыс. лошадей и взявшими в плен 146 чел. [Тепкеев 2005: 32]. Таким образом, претензии российских властей могли блокироваться аналогичными аргументами противоположной стороны. Впрочем, пограничные власти названных государств старались не доводить до крайности ситуации с разменом полоняников и возвратом награбленного. Особенно наглядно это прослеживается в отношениях между кубанскими наместниками крымского хана (регулярно назначавшимися в регион с конца XVII в.), другими Гиреями, тоже пребывавшими на Кубани, и российской администрацией Азова [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 244. Л.16–17, Д. 243. Л. 2, 6, 12–16].

Ниже рассмотрим примеры из истории работорговли на южном пограничье, органично вписывающиеся в ее предшествую-

¹ Им регулярно оказывал поддержку кубанский султан Бахты-Гирей, который «потокает им всем..., и на воровство их посылает, и лошади свои дает» [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1702 г. Д. 1. Л. 152].

щую историю и, вместе с тем, отражающие то новое, что происходило с ней в условиях разрушения старого пограничного порядка. В частности, в конце XVII в. к числу участников, активно задействованных в местной работорговле, добавились казаки-старообрядцы, новые подданные крымских ханов [Сень 2009: 169–203]. Именно они были выходцами с Дона, что позволяет исследовать вопрос о преемственности подобных практик с предыдущим опытом донского казачества. Специфика ситуации состояла в том, что кубанские казаки-христиане (старообрядцы) регулярно захватывали в плен других *христиан* — российских подданных. Это, впрочем, не помешало первым кубанским казакам включиться в местный процесс торговли ясырем, что тоже можно отнести к числу их традиционных занятий. При этом на проблему работорговли в казачьей среде необходимо смотреть шире: с начала 1690-х гг. *различные* группы «воровских казаков», ушедших на Северный Кавказ, захватывали в полон стрельцов, казаков, работных людей и др. российских подданных. География таких захватов была обширной — от Белгородской черты до прикаспийских территорий [НИА СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12163, 12371, 12352; Усенко 2000; Сень 2011]. Примерно в 1691 г. казаки объединились для набега с азовскими татарами, а захваченный славянский полон продали в Азове [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 10]. Около 1692–1693 гг. 150 кубанских казаков и азовских татар, выступившие под командой Кубек-аги, «били под Маяцкой», захватив в полон 17 человек [РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стлб. 1406. Л. 124]. Свою часть полона кубанские казаки беспрепятственно продали в Азове, получив за каждого полоняника по 10 алтынов, после чего направились на Кубань.

Уместно привести некоторые данные о количестве полона в Азове незадолго до его взятия в 1696 г. Бывший полоняник Л. Иванов, находившийся ранее в Азове, в «расспросе» показал, что колодников «розных земель» пребывало тогда в крепости примерно 600 чел. [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 5. Л. 1]. В 1696 г. еще одна крупная партия кубанских казаков напала на астраханских стрельцов на Каспийском море, захватив часть людей в плен [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 5. Л. 9]. Бежавший из ногайского плена стрелец М. Казанец показал на допросе в Азовском разрядном шатре 20 сентября

1696 г., что весной 1695 г. вместе с другими служилыми людьми он был отправлен на Каспийское море «для воровских людей казаков-охреянов в стругах двести человек» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 5. Л. 9]. На р. Ярке, впадавшей в море, его струг подвергся нападению казаков-ахреян, численность которых стрелец определил в «полтораста и болши». Судя по тому, что М. Казанец был пленен казаками, а затем сбежал из ногайского плена («позад Кубани-городка из-за реки Кубани от нагайских татар ушол»), можно предположить, что казаки продали его ногайцам.

В 1697 г. «человек с полтораста» кубанских казаков-ахреян и черкесов напали неподалеку от Астрахани на работников рыбного «насада» и частью их полонили [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 130. Л. 7]. Бывшая полонянка Марфа Тимофеева показала в Азове 18 мая 1697 г., что была пленена татарами и «охреянами» по дороге из Полатова в Усерд, «не доезжая Полатова» (возможно, речь идет о Новом Полатове. — Д. С.) [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 15. Л. 17]. Полонянка Анна рассказала в мае 1701 г., что была пленена кубанскими едисанами вместе с мужем, двумя сыновьями и стрельцами между крепостями Черный Яр и Терки. Пленников «роздували всех», причем в захвате полна казаки-ахреяне не участвовали. Однако Анна досталась именно «ахреяну казак Софрону Тимофееву, которой живет на Кубане с охреянами ж в городке» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 373. Л. 12]. В другом случае «кубанцы и воровские казаки» совместно «дували» полон — 12 астраханских стрельцов [Усенко 2000: 77].

Таким образом, архаичный по своей сути дуван часто оказывался ключевым фактором, определявшим дальнейшие судьбы полоняников, и к которому традиционно прибегали другие участники набегов [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 237. Л. 4].

Походы в Поволжье и на Каспийское море, полагаем, регулярно приносили удачу кубанским казакам и всем тем, кто принимал в них участие, несмотря на вероятность столкновения со стрельцами и др. царскими служилыми людьми. Донские казаки, сообщая в 1693 г. о выступлении Кубека-аги с казаками-ахреянами и с ногайскими мурзами к Волге на рыбные ватаги, указывали на связь такого события с успешной для «воинских людей и росколщиков» *прежней добычей*, как сказано в документе [НИА СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12364. Л. 2].

Пребывание в плену не лишало полоняников определенной правоспособности: Анна, по ее словам, сумела выкупить из ногайского плена одного из своих сыновей, заплатив за него 53 левка («левок»/«аслан» — серебряная монета, разновидность талера). Некоторых полоняников ожидали неожиданные повороты судьбы: *толмач* кубанских казаков, Афонька Федоров, вспоминал в конце 1690-х гг., что его из плена в горах выкупил «войсковой атаман Савелий Пахомов» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 9. Л. 3]. Повезло и другим донским казакам, захваченным было в полон ногайцами: у них оказались казаки-свойственники в Копыле, с подачи которых кубанский Шагимсултан приказал освободить донцов и велел им жить и служить в Копыле [Усенко 2000: 74].

Согласимся с мнением о том, что «рабовладение у кубанских казаков было нормой. Для продажи „ясыря“ к ним ехали отовсюду — и кубанские татары, и ногайские, и кумыцкие... Но „окреане“ и продавали рабов — тем же кочевникам..., армянским купцам, а может быть, и туркам» [Усенко 2000: 69]. О. Г. Усенко привел данные о 4-летнем пребывании в неволе у кубанских казаков И. Алексева, бежавшего в Азов летом 1702 г. и ранее купленного в Копыле казак Ф. Боярченком у кубанского татарина Аммета [Усенко 2000: 73]. Часто случалось, что невольники сопровождали кубанских казаков во время их рыбного лова на Черном море, где казаки-ахреяне устраивали зимовки [Усенко 2000: 72, 74]. Ещё один факт в поддержку мнения о традиционности занятий кубанских казаков работоторговлей находим в докладах, составленных для астраханских старшин по челобитным разных лиц. Просительница И. Петрова писала о своем пленном муже, что «он... на Кубане, а в Астрахани ныне с Кубану... послы есть. А казак кубанской, ясырь русской выбирает и перед салтана водит, и тот казак про моего мужа знает» [Социальные движения 2004: 235]. Часть полоняников, по-видимому, казаки держали вместе. Российские солдаты из Азова, плененные ахреянами, очевидно, в 1699 г., сообщали, что «привезши их, ахреяны взяли к себе на Кубань и посадили в тюрьму... (выделено мною. — Д. С.)» [Доба гетьмана 2007: 577].

Обратим внимание на другие детали, важные для раскрытия темы: набеги (походы) казаками и последующая ими про-

даже ясыря способствовали быстрейшему знакомству местных казаков с различными ландшафтами кубанского и северокавказского регионов и их «освоению». Так, казачий атаман С. Пахомов сторговал «смоленина Ивашку Семенова сына Труневскаго» у приехавших черкесов [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 373. Л. 4]. Полоняники, очевидно, были интересны казакам ещё потому, что их можно было отправлять или брать на «окуп», получая деньги за ясырь либо полностью, либо несколько большую сумму, чем того требовал хозяин раба. Так, солдат В. Переносов рассказывал в 1702 г., что, будучи пленен кумыками, он был отвезен своим «хозяином» Уразаем на Кубань и отдан «на выкуп городка Копыла казаку Емельяну Иванову за тридцать за пять рублей» [Усенко 2000: 72]. Кубанский татарин Алабердей запросил слишком много за полоняника И. Труневского (переданного ему казаком-ахреянцем Е. Киселевым), что в числе прочих обстоятельств сорвало сделку в Азове в 1701 г. Упомянувшийся выше С. Тимофеев хотел в 1701 г. взять 100 руб. «окупу» за полонянку Анну или, как он повелел посредникам — торговым татарам, вернуть ее из Азова назад на Кубань. Во всем этом тоже видится продолжение традиций, бытовавших ещё у донских казаков и сохранявшихся при согласии царских властей, разрешавших донцам устраивать сбор «окупных денег» в Азове (конец XVII в.) [Доба гетьмана 2007: 573 и др.].

В окупных операциях могла быть задействована «цепочка» разных заинтересованных лиц, включая кубанских казаков, ногайцев, черкесов, армян и донских казаков. Вероятно, в местную систему «распределения» полна казаки действительно сумели интегрироваться быстро и основательно, а торговля ясырем приносила им немалые доходы. Впрочем, денежный эквивалент «окупа» мог быть заменен на месте другим. Так, в ответ на различные запросы посредника в отношении упоминавшейся полонянки Анны российские власти предложили прислать «за нее с сыном... в Азове или на Кубань» одного татарина или «турченина» [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 373. Л. 3]. В другом случае кубанским торговцам в Азове был предложен аналогичный вариант, правда, неравноценный: за двух русских полоняников — одного татарина [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 373. Л. 3].

Характерной во всех смыслах является история пребывания в плену у казаков-ахреян ранее упомянутого «смоленина Ивашки Семенова сына Труневскаго», отраженная в источниках, начиная с 1701 г. Он служил в полку боярина А. С. Шеина и был захвачен в плен, после чего продан с согласия атамана С. Пахомова за 35 руб. «ахреяну казаку Емелке Киселеву». Его привез на «окуп» с Кубани в Азов кубанский мурза Алабердей: к делу оказались причастны азовская администрация, «ахреянский атаман» Савелий Пахомов и хозяин полоняника — кубанский казак Е. Киселев. Информация об этом случае сохранилась и в других документах [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 360. Л. 1–11], наглядно демонстрируя функционирование системы, «втягивавшей» в пространство выкупных операций множество людей, ссорившихся, торговавшихся и, конечно, поразному описывавших свое участие в них. Для выяснения подробностей дела российские представители побывали у казаков в Копыле, встречались с казаками-ахреянами, сообщившими им подробности пребывания И. Труневского на Кубани, условия предполагавшейся «окупной операции» и пр. [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 376. Л. 9–13].

Основанием для расследования по «делу И. Труневского», плененного в 1697 г., послужило вызывающее для властей Азова поведение посредника — татарина Алабердея. Недаром было решено просить «таких неправдивых людей с Кубани» смирить и более в Азов не присылать. В. Маслов и И. Дровнин, получившие инструкции и отправленные из Азова на Кубань 16 мая 1701 г. [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 373. Л. 1–3], встретившиеся в Копыле с основными фигурантами дела — с С. Пахомовым (именно ему «Ивашка бил челом..., чтоб ево... отпустил для окупу в Азов»), Е. Киселевым и с И. Труневским. Очная ставка позволила узнать новые сведения об обстоятельствах пребывания И. Труневского в плену (первоначально он утверждал, что его пленили кубанцы, и что казаку Е. Киселеву его продал ногаец Булхан), о том, какие стратегии выбирал конкретный человек, чтобы вернуть себе свободу [ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 373. Л. 4–7]. Там же в Копыле И. Труневский был «торгован вновь»: Е. Киселев несколько уступил в цене, и полоняника вторично отправили на «окуп» в Азов 25 мая 1701 г.

Благодаря случаю И. Труневского, стали доступны для анализа важные детали

«окупных» операций, которые часто оставались неизвестными сторонним наблюдателям, включая российских администраторов. В частности, речь идет о договоренностях по линиям «хозяин-полоняник» и «хозяин-посредник». Например, тот же Е. Киселев, казалось, договорившись о цене за полоняника с татаринном Алабердеем, взял у того «в заклад девку». Важно также отметить роль разных клятвенных обещаний, к которым прибегали или могли прибегать все участники «цепочки», включая самих полоняников.

Проанализированный материал позволяет прийти к некоторым выводам и к постановке некоторых новых исследовательских задач. Плен, рабство и выкуп отражали многие стороны жизни на южном пограничье, активно развивавшиеся местными сообществами до появления здесь так называемых «линейных границ». Работоторговля долгое время относилась к традиционным занятиям местного полиэтничного населения, активно взаимодействовавшего друг с другом. Экономика и политика южного фронта, включая пограничную дипломатию, теснейшим образом были связаны с пространством плена, порождая разнообразные формы пограничной и трансграничной коммуникации.

Разрушение Россией и Османской империей на рубеже XVII–XVIII вв. традиционного порядка, существовавшего в степном пространстве, существенно трансформировало систему размена и выкупа полоняников, но не отменило ее вовсе. Более того, поддержание подобных архаичных практик нашло свое закономерное выражение в действиях новых пограничных властей России и представителей ханской администрации на Кубани. Так, Россия усиленно создает ситуацию, при которой главным центром окупных и разменных операций с полоняниками становится Азов. Вероятно, это нашло отклик со стороны разных участников местного «рынка» еще и потому, что в османское время Азов (Азак) занимал подобную нишу. На рубеже XVII–XVIII вв. в систему местной работоторговли успешно включились кубанские казаки-старообрядцы, выходцы с Дона. Это свидетельствует о высоком уровне их адаптации к местным условиям, а также о взаимосвязи их военной активности с ее географией. Они как покупали рабов, так и активно продавали их, включаясь в «цепочки» трансграничных

связей и процессов, знакомых еще раньше донским казакам. Плен и выкупные операции, проанализированные на «кубанском материале», свидетельствуют о разных поведенческих моделях полоняников. Они старались влиять на выкупные и разменные сделки, являясь не только объектами, но и субъектами их совершения, обладавшими определенной правоспособностью. В процессе выкупа фиксировались индивидуальные биографии полоняников, эвристический потенциал которых еще предстоит оценить исследователям плена и рабства, границ и пограничья.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

ГАВО — Государственный архив Воронежской области [*Gosudarstvennyy arkhiv Voronezhskoy oblasti* [State Archive of Voronezh Oblast].]

Доба гетьмана 2007 — Доба гетьмана Ивана Мазепи в документах / Упорядник С. Павленко. Київ: Києво-Могилянська академія, 2007. 1142 с. [*Doba get'mana Ivana Mazepi v dokumentakh* [The Hetman Ivan Mazepa's one day in documents]. Pavlenko S. (comp.). Kiev: National University of Kyiv-Mohyla Acad., 2007. 1142 p.]

НИА СПбИИ РАН — Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН [*Nauchno-istoricheskiy arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN* [Academic and Historical Archive of St. Petersburg Institute of History of RAS].]

ПСЗРИ-I — Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. IV. 1700–1712. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 890 с. [*Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. IV. 1700-1712. St. Petersburg: Depart. II of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. 890 p.]

РГАДА — Российский государственный архив древних актов [*Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts].]

Социальные движения 2004 — Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века: Сб. документов / Подг. Н.Б. Голикова. М.: Древлехранилище, 2004. XXVI+418 с. [*Sotsial'nye dvizheniya v gorodakh Nizhnego Povolzh'ya v nachale XVIII veka: Sbornik dokumentov* [Social movements in Lower Volga cities in the early

- 18th c.: collected documents]. Golikova N. B. (comp.). Moscow: Drevlekhranilische, 2004. XXVI+418 p.]
- Степове порубіжжя 2016 — Степове порубіжжя XVII – поч. XVIII ст. у документах Державного архіву Воронізької області РФ / упор. В. В. Грибовський. Київ: Інститут української археографії ім. М. С. Грушевського, 2016. 122 с. [Stepove porubizhzhya XVII – poch. XVIII st. u dokumentakh Derzhavnogo arkhivu Voroniz'koï oblasti RF [Steppe border territories in the 17th-early 18th cc. according to documents of the State Archive of Voronezh Oblast]. Gribovs'kiy V. V. (comp.). Kiev: Grushevsky Institute of Ukrainian Archaeography, 2016. 122 p.]
- ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES**
- Андрющенко 2008 — *Андрющенко О. В.* Население и администрация города Азова в 1696–1711 годы. Воронеж: Истоки, 2008. 282 с. [Andryuschenko O. V. *Naselenie i administratsiya goroda Azova v 1696–1711 gody* [Population and city authorities of Azov in 1696-1711]. Voronezh: Istoki, 2008. 282 p.]
- Возгрин 2011 — *Возгрин В. Е.* Рабство в странах Черного моря (Позднее Средневековье – Новое время) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2011. Вып. 3. С. 90–100. [Vozgrin V. E. Slavery in the Black Sea countries (late Middle Ages – modern era). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 2011. No. 3. Pp. 90–100].
- Грибовский 2014 — *Грибовский В. В.* Разграничение степных владений Османской и Российской империй в 1704 и 1705 гг. // *Scriptorium nostrum*. 2014. № 1. С. 225–246. [Gribovskiy V. V. Delimitation of steppe territories between the Ottoman and Russian Empires in 1704 and 1705. *Scriptorium nostrum*. 2014. No. 1. Pp. 225–246].
- Грибовський 2014 — *Грибовський В. В.* Протоколи допитів утікачів з ногайського полону в російському Азові 1696 р. (За документами державного архіву Воронізької області) // Архіви України. 2014. № 1 (289). С. 121–141. [Gribovs'kiy V. V. Interrogation files of escapees from Nogai captivity recorded in the Russian city of Azov in 1696 (according to documents of the State Archive of Voronezh Oblast). *Arkhivi Ukraïni*. 2014. No. 1 (289). Pp. 121–141].
- Жуков 2012 — *Жуков В. Д.* «Крымские полоняники» и их выкуп в 50-х гг. XVII в.: к истории колонизации южной окраины Московского государства // Вестник РУДН. Серия «История России». 2012. № 4. С. 31–43. [Zhukov V. D. 'Crimean captives' and their redemption in the 1650s: on the history of colonization of Russia's steppe frontier. *Vestnik RUDN. Seriya «Istoriya Rossii»*. 2012. No. 4. Pp. 31–43].
- Козлов 2016 — *Козлов С. А.* Русские пленные и полоняничные деньги (вторая половина XVI в. – 20-е годы XVIII в.) // Меншиковские чтения. СПб.: XVIII век, 2016. Вып. 7(17). С. 225–236. [Kozlov S. A. Russian captives and redemption money (1550s–1720s). *Menshikovskie chteniya*. St. Petersburg: XVIII Vek, 2016. No. 7(17). Pp. 225–236].
- Куц 2001 — *Куц О. Ю.* Цены на ясырь на Дону в конце 20-х – начале 30-х гг. XVII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVIII вв.: Сб. мат-лов междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 17–20 сентября 2001 г.). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2001. С. 50–56. [Kuts O. Yu. Prices of Muslim captives in the Don River area in the late 1620s – early 1630s. *Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XVIII vv.: Sb. mat-lov mezhdunar. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, 17–20 sentyabrya 2001 g.)*. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2001. Pp. 50–56].
- Лавров 2010 — *Лавров А. С.* Военный плен и рабство на границах Османской империи и Российского государства в XVII – начале XVIII века // [электронный ресурс] ГИИМ: Доклады по истории 18 и 19 вв. – ДНИ Москва: Vorträge zum 18. Jahrhundert. 2010. № 5. URL: http://www.perspectivia.net/publikationen/vortraege-moskau/lavrov_kriegsgefangenschaft (дата обращения: 12.02.2017). [Lavrov A. S. Military captivity and slavery on the frontiers of the Ottoman Empire and Tsardom of Russia in the 17th-early 18th cc. *GIIM: Doklady po istorii 18 i 19 vv. – DNI Moskau: Vorträge zum 18. Jahrhundert*. 2010. No. 5.] Available at: http://www.perspectivia.net/publikationen/vortraege-moskau/lavrov_kriegsgefangenschaft.
- Новосельский 1948 — *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 452 с. [Novosel'skiy A. A. *Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoy polovine XVII veka* [Muscovy's struggle against Tatars in the early-to-mid 17th c.]. Moscow, Leningrad: USSR Acad. of Sc., 1948. 452 p.]
- Приймак 2011 — *Приймак Ю. В.* Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах форми-

- рования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). Армавир: Полипринт, 2011. 359 с. [Priymak Yu. V. *Severo-Vostochnoe Prichernomor'ye vo vnutri- i vneshnepoliticheskikh protsessakh formirovaniya yuzhnykh granits Rossii (konets XVII – pervaya tret' XIX v.)* [Formation of Russia's southern frontiers (late 17th–early 19th cc.): Northeast Black Sea Region in internal and external political processes]. Armavir: Poliprint, 2011. 359 p.]
- Рибер 2004 — Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства: сб. статей. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 199–222. [Riber A. The changing concepts and constructions of frontier: a comparative historical approach. *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: sb. statey*. Kazan: Center of Nationalism and Empire Studies, 2004. Pp. 199–222.]
- Сень 2009 — Сень Д. В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.). Ростов-н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009. 280 с. [Sen' D. V. *Kazachestvo Dona i Severo-Zapadnogo Kavkaza v otnosheniyakh s musul'manskimi gosudarstvami Prichernomor'ya (vtoraya polovina XVII v. – nachalo XVIII v.)* [Cossacks of the Don and Northwest Caucasus and their relations with Muslim states of the Black Sea Region (mid-to-late 17th – early 18th cc.)]. Rostov-on-Don: Southern Federal Univ., 2009. 280 p.]
- Сень 2011 — Сень Д. В. Казаки Крымского ханства: начальный этап складывания войсковой организации и освоения пространства (1690-е гг. – начало XVIII в.) // Тюркологический сборник 2009–2010 / Ред. кол. С. Г. Кляшторный и др. М.: Вост. лит., 2011. С. 289–320. [Sen' D. V. Cossacks of the Crimean Khanate: the early stage of troop formation and peopling of lands (1690s-1700s). *Tyurkologicheskii sbornik 2009–2010*. S.G. Klyashtornyy et al. (eds.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2011. Pp. 289–320].
- Сень 2013 — Сень Д. В. Администрация российского Азова и население Кубани: пограничные отношения в конце XVII в. – начале XVIII в. // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов науч. конф. М.: ИД «Ключ-С», 2013. С. 264–267. [Sen' D. V. Authorities of the Russian city of Azov and the population of Kuban: border relations in the late 17th – early 18th cc. *Lomonosovskie chteniya. Vostokovedenie. Tezisy докладov nauch. konf.* Moscow: Klyuch-S, 2013. Pp. 264–267].
- Сень 2014 — Сень Д. В. Османская империя и Крымское ханство во второй половине XVII в. – начале XVIII в.: управление пограничными процессами и характер взаимоотношений // Границы и пограничье в южно-российской истории: Мат-лы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов-н/Д: Изд-во ЮФУ, 2014. С. 512–522. [Sen' D. V. The Ottoman Empire and Crimean Khanate in the 1650s – 1700s: management of frontier processes and character of mutual relations. *Granitsy i pogranich'ye v yuzhnorossiyskoy istorii: Mat-ly Vseros. nauch. konf. (g. Rostov-na-Donu, 26–27 sentyabrya 2014 g.)*. Rostov-on-Don: Southern Federal Univ., 2014. Pp. 512–522].
- Тепкеев 2005 — Тепкеев В. Т. Калмыцко-крымские отношения в XVIII веке (1700–1771 гг.): Дис. ... к.и.н. М., 2005. 163 с. [Tepkeev V. T. *Kalmytsko-krymskie otnosheniya v XVIII veke (1700–1771 gg.)*: Dis. ... k.i.n. [Kalmyk-Crimean relations in the 18th c. (1700–1771): a PhD thesis]. Moscow, 2005. 163 p.]
- Усенко 2000 — Усенко О. Г. Начальная история кубанского казачества (1692–1708 гг.) // Из архива тверских историков. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. Вып. 2. С. 63–77. [Usenko O. G. The beginnings of the Kuban Cossack Host (1692–1708 gg.). *Iz arkhiva tverskikh istorikov*. Tver: Tver State Univ., 2000. No. 2. Pp. 63–77].
- Boeck 2009 — Boeck B. J. *Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009. 255 p.

УДК 94 (470+571) (235.7)

**«Бил челом ахреянскому атаману...»:
плен, рабство и выкуп на южном пограничье
(конец XVII в. – начало XVIII в.)**

Сень Дмитрий Владимирович¹

¹ доктор исторических наук, профессор, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация). E-mail: dvsen@sfedu.ru

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы истории плена и работорговли на южном пограничье России конца XVII в. – начала XVIII в. Указанная территория включала в себя пограничные владения России, Крымского ханства и Османской империи в Северо-Восточном Приазовье и на Кубани. Изменение Россией и Османской империей пограничного порядка в этом районе повлекло за собой не только изменение межгосударственных отношений. Изменились условия функционирования набеговой системы населения Крымского ханства, активно задействованного в захвате полона, прежде всего, на территории России. Вместе с тем, новые исторические условия повлияли на другие пограничные сообщества (калмыков, донских казаков), также связанных с различными действиями в отношении полоняников — разменом и выкупом. Разрушение старого порядка, издавна существовавшего в степном пограничье, не привело к прекращению работорговли, но изменило направленность, географию и состав ее участников. Так, одним из центров так называемых выкупных операций с рабами стал российский Азов. В статье, на основе документальных источников, исследованы судьбы разных русских людей, попавших в плен к ногайцам или к казакам-ахреянам на Кубань. Показаны разные случаи из жизни полоняников, получавших свободу в результате выкупа, который совершался по определенной схеме и с участием многих людей.

Ключевые слова: плен, работорговля, фронтир, набеговая система, Россия, Крымское ханство, Османская империя